А. Соболевскій.

ДРЕВНЯЯ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА и ЕЯ ЗНАЧЕНІЕ

ХАРЬКОВЪ.
Типографія журнала „Мирный Трудъ“. Дѣвичья ул., № 14.
1908.

РУ
413
Соб

Отдѣльные оттиски изъ журнала „Мирный Трудъ“ за 1908 г.

692
27.

Древняя церковно-славянская литература и ея значеніе[1]).

I.

Христіанство между славянами Балканскаго полуострова появилось задолго до начала церковно-славянской письменности и апостольской дѣятельности Кирилла и Меѳодія.

Изъ современныхъ первоучителямъ балканскихъ славянъ одни, около Солуня и вообще въ южной Македоніи, были подъ властью греческихъ императоровъ и подъ непосредственнымъ вліяніемъ греческой культуры. Ихъ такъ много жило въ самомъ Солунѣ въ качествѣ рабочихъ и такъ много пріѣзжало въ Солунь изъ окрестностей города для торговли, что греки, жители Солуня, по словамъ древняго житія первоучителя Кирилла, всѣ „чисто“ говорили по славянски. Греки относились къ славянамъ, какъ къ варварамъ,— съ большимъ презрѣніемъ.

Другіе славяне, жившіе около Тиверіополя (=Струмицы), Охриды, Сардики (=Софія), Дристры (=Силистріи) и другихъ городовъ по Дунаю[2]), населеніе которыхъ, греки и романцы, было уже давно христіанскимъ,—были подданными ославянившихся болгарскихъ царей и могли смотрѣть на грековъ какъ господа; но и они не могли не подчиняться греческой культурѣ.

Болгарскіе цари въ началѣ IX вѣка употребляли всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать распространенію христіанства среди своихъ подданныхъ. Омортагъ казнилъ грековъ-проповѣдниковъ, но очевидно,

---

[1]) Публичная лекція, читанная въ Славянскомъ Благотворительномъ Обществѣ въ С.-Петербургѣ въ февралѣ 1908 г.

[2]) Эти города во время царя Симеона оставались подъ властію Византіи. Поэтому понятно, что нашъ Святославъ бился на Дунаѣ съ греками и, сидя въ Переяславцѣ, бралъ дань „на грецѣхъ“ (Начальная лѣтопись подъ 967 г.).

не достигъ важныхъ результатовъ. Борисъ, носившій уже славянское имя, и повидимому уже болѣе славянинъ, чѣмъ тюркъ, и самъ принялъ христіанство, и старался о распространеніи его въ своемъ царствѣ. Своего сына Симеона онъ воспиталъ въ Царьградѣ, какъ христіанина.

Въ половинѣ IX вѣка на Балканскомъ полуостровѣ было нѣсколько епархій, подчиненныхъ византійскому патріарху, было немало церквей и монастырей, съ благоустроеннымъ клиромъ, со священниками, дьяконами и монахами; было немало образованныхъ по тогдашнему времени грековъ, владѣвшихъ, кромѣ своего роднаго, также языкомъ жившихъ вмѣстѣ съ ними славянъ.

IX-е столѣтіе было полно интереса къ дѣламъ вѣры, и, конечно, многіе изъ балканскихъ грековъ старались заслужить себѣ царство на небѣ проповѣдью христіанскихъ истинъ среди славянъ, распространеніемъ христіанства среди язычниковъ. Эта проповѣдь велась, конечно, вездѣ, гдѣ жили греки, безъ какой бы то ни было спеціальной организаціи, безъ соглашенія между греками проповѣдниками; и каждый изъ нихъ дѣлалъ свое дѣло по-своему какъ находилъ лучше, или сохраняя греческія слова церковной и догматической терминологіи, или передавая ихъ по возможности подходящими, на его взглядъ, славянскими словами.

Славянскій языкъ большей части славянъ Балканскаго полуострова, или, какъ мы его будемъ называть, церковно-славянскій языкъ, въ своемъ словарѣ, конечно, не имѣлъ огромнаго числа тѣхъ словъ, которыя нужны были для передачи на немъ христіанскаго ученія. Проповѣдники греки должны были брать изъ этого языка то, что имъ казалось наиболѣе годнымъ; и если проповѣдникъ изъ Солуня предпочиталъ одно славянское слово,—проповѣдникъ изъ Сардики бралъ другое, проповѣдникъ изъ Охриды третье, и т. д.

Отсюда получилось то, что новые христіане изъ славянъ называли священника разно: гдѣ *священникомъ*, гдѣ *святителемъ*, гдѣ *молитвенникомъ*, гдѣ *молебникомъ*, гдѣ *чистителемъ*, а гдѣ и *жрецомъ*, а сверхъ всего, по-гречески,—*попомъ*, *презвутеромъ*, *іереемъ*. Точно также причастіе у нихъ именовалось гдѣ *причастіе*, гдѣ *комъканіе* (отъ латинскаго *communicare*);—постъ гдѣ *постъ*, гдѣ *алчьба*;—адъ гдѣ *родьство огненное*, гдѣ *дебрь огненная*, гдѣ, по-гречески, *геона*;—рай гдѣ *рай*, гдѣ *породи* (отъ греческаго слова);—благодарить гдѣ *благодарити*, гдѣ *хвалити*; и т. д.

Словомъ, ко временамъ Кирилла и Меѳодія славянъ христіанъ на Балканскомъ полуостровѣ было уже нѣкоторое число, особенно въ тѣхъ частяхъ полуострова, которыя входили въ составъ Визан-

тійской имперіи и въ которыхъ проповѣдь христіанства была особенно сильна и постоянна.

II.

Кириллъ (тогда еще Константинъ) и Меѳодій, уроженцы Солуня, хорошо знакомые съ жившими около Солуня славянами, получили приказаніе отъ византійскаго императора отправиться въ Моравію.

Миссія была не важная. Византійскіе историки не знаютъ ни объ ней, ни объ миссіонерахъ.

Цѣль миссіи была политическая. Миссія должна была распространить на Моравію византійское вліяніе, завязать связи между Моравіею съ одной стороны и византійскимъ императоромъ и византійскимъ патріархомъ съ другой.

Славяне Моравіи и земель нынѣшней юго-западной Австріи по большей части были тогда уже христіане. Они научились христіанской вѣрѣ отъ нѣмецкихъ и итальянскихъ миссіонеровъ. Богослуженіе у нихъ было на обычномъ языкѣ западной церкви—латинскомъ, для славянъ совершенно чуждомъ и непонятномъ.

Поэтому средствомъ для успѣха миссіи солунскихъ братьевъ былъ избранъ славянскій языкъ. На немъ братья должны были дать моравлянамъ христіанское богослуженіе и священное писаніе.

О славянахъ и ихъ языкахъ и византійскій императоръ, и Кириллъ съ Меѳодіемъ знали мало. Они были убѣждены, что языкъ у солунскихъ славянъ тотъ-же, что и у славянъ моравскихъ; поэтому они рѣшили положить начало славянской письменности на языкѣ солунскихъ славянъ.

Они не ошиблись въ разсчетѣ.

Славянскіе языки въ IX вѣкѣ были еще такъ близки другъ другу, что южный славянинъ могъ безъ труда понимать западнаго, и наоборотъ. При чтеніи, въ книгѣ, при нѣкоторомъ вниманіи, всѣ славянскіе языки были понятны для каждаго славянина.

Во всякомъ случаѣ церковно-славянскій языкъ былъ для моравлянъ—свой языкъ и они его понимали если не вполнѣ, то въ большей его части. А латинскій языкъ, бывшій у нихъ въ то время въ богослуженіи, повторяемъ, былъ имъ совершенно чуждымъ и непонятнымъ.

Солунскимъ братьямъ прежде, чѣмъ отправиться въ неизвѣстную имъ Моравію, необходимо было создать для церковно-славянскаго языка азбуку и сдѣлать переводъ на этотъ языкъ важнѣйшихъ богослужебныхъ текстовъ.

Кириллъ былъ по-своему хорошій лингвистъ, знавшій нѣсколько языковъ и знакомый съ нѣсколькими алфавитами. Онъ легко сообразилъ, что и какъ устроить.

Мы не будемъ касаться вопроса, какая именно азбука была создана Кирилломъ[1]). Онъ для насъ теперь не важенъ. Мы не будемъ пытаться опредѣлить, что именно было переведено Кирилломъ на церковно-славянскій языкъ. Несомнѣнно, что для начала своей дѣятельности у славянъ Запада онъ приготовилъ переводъ главныхъ молитвъ, ектеній, богослужебнаго евангелія, апостола и паремейника, чтобы можно было совершать богослуженіе, хотя отчасти, на церковно-славянскомъ языкѣ.

Годъ созданія славянской азбуки и начала церковно-славянской письменности дается намъ черноризцемъ (монахомъ) Храбромъ. Этотъ авторъ, живший, повидимому, въ Солунѣ и много слышавшій о Кириллѣ и Меѳодіи отъ ихъ современниковъ („еще живы, говорятъ онъ, тѣ, которые видѣли ихъ"), сообщаетъ, что этотъ годъ—6363 отъ сотворенія міра, что тогда императоромъ Византіи былъ Михаилъ, а у славянъ были государями Борисъ (въ Болгаріи), Коцелъ (въ Панноніи) и Ростицъ (Ростиславъ, въ Моравіи). Переводя указанную Храбромъ цифру года 6363 посредствомъ вычета изъ нея той цифры лѣтъ отъ сотворенія міра до Рождества Христова, которая принималась многими греками—5500, мы получимъ цифру года нашей эры 863, противъ которой нѣтъ основанія спорить.

III.

Кириллъ и Меѳодій начали свою дѣятельность у славянъ Панноніи, черезъ которую лежалъ ихъ путь въ Моравію, у предковъ нынѣшнихъ словенцевъ. Успѣхъ былъ полнымъ.

Кириллъ блеснулъ какъ метеоръ, оставивъ по себѣ рядъ легендъ о своихъ подвигахъ. Онъ былъ признанъ святымъ тотчасъ послѣ смерти.

Меѳодій, игравшій при немъ второстепенную роль, твердой рукой повелъ начатое дѣло далѣе.

Поставленный архіепископомъ Моравіи, онъ встрѣтилъ противодѣйствіе ему со стороны моравскаго князя Святополка и своего викарія нѣмца Вихинга, ревностныхъ сторонниковъ латинскаго языка въ богослуженіи и латинскаго обряда. Онъ испыталъ такія притѣ-

[1]) Мы думаемъ, на основаніи показанія Храбра и нѣкоторыхъ другихъ свидѣтельствъ, что это была—кириллица.

сненія, что наконецъ вынужденъ былъ изречь на князя и на Вихинга проклятіе.

Но его энергія доставила успѣхъ. Число его „учениковъ“ изъ грековъ и изъ славянъ увеличилось настолько, что онъ получилъ возможность начать проповѣдь христіанства среди сосѣднихъ чеховъ и поляковъ, тогда еще язычниковъ.

Дальнѣйшіе переводы на церковно-славянскій языкъ, сдѣланные или всѣ, или большая часть подъ его руководствомъ, дали славянамъ возможность читать на церковно-славянскомъ языкѣ всѣ книги ветхаго и новаго завѣта, Номоканонъ и нѣкоторое число житій святыхъ. Что именно было переведено въ Моравіи, мы пока не знаемъ; точно также мы пока не можемъ даже приблизительно опредѣлить весь объемъ бывшей въ Моравіи церковно-славянской литературы. Есть основаніе догадываться, что переводы были сдѣланы не только съ греческаго, но и съ латинскаго языка и что между переведенными житіями святыхъ были житія святыхъ особенно почитаемыхъ въ западной церкви, уже успѣвшихъ пріобрѣсти уваженіе у моравлянъ (Вита, Венедикта Нурсійскаго, Аполлинарія Равенскаго, папы Стефана).

Меѳодій умеръ и тотчасъ былъ признанъ въ Моравіи святымъ. Назначенный имъ въ преемники моравлянинъ Гораздъ не былъ принятъ. Онъ и наиболѣе близкіе къ Меѳодію „ученики“: Климентъ, Наумъ, Савва, Ангеляръ, принуждены были оставить Моравію и перенести дѣятельность на Балканскій полуостровъ.

Другіе „ученики“ Меѳодія, менѣе близкіе къ нему, чѣмъ только что названные, остались въ Моравіи и продолжали его дѣло до разгрома Моравскаго государства. Имъ принадлежатъ житія солунскихъ братьевъ, написанныя просто, но вполнѣ литературно, на церковно-славянскомъ языкѣ. Имъ же, вѣроятно, принадлежатъ церковныя службы Кириллу и Меѳодію, составленныя по образцу однородныхъ службъ греческой церкви.

Моравское государство, ослабленное междоусобіями, было разгромлено сосѣдями и перестало существовать.

Но поднялась прежде подчиненная ему Чехія—со своей столицею Прагою.

Здѣсь, въ замкѣ Вышеградѣ, начало „цвѣсти славное ученіе славянскаго языка“. Здѣсь въ X вѣкѣ получилъ свое образованіе св. Прокопъ.

Но западная церковь уже не хотѣла терпѣть церковно-славянскаго языка въ богослуженіи. Напрасно на этотъ языкъ были пере-

ведены съ латинскаго языка богослужебные тексты по западному обряду: послѣ Прокопа, при содѣйствіи чешскихъ князей латинниковъ, сторонники церковно-славянскаго языка въ богослуженіи принуждены были удалиться изъ Чехіи.

Но они имѣли время потрудиться для церковно-славянской письменности, и мы имъ обязаны, между прочимъ, двумя сказаніями о св. Вячеславѣ Чешскомъ и переводомъ „Бесѣдъ на евангеліе“ папы Григорія Великаго. Составленное ими въ XI вѣкѣ житіе св. Прокопа до насъ, повидимому, не дошло.

То, что было написано на церковно-славянскомъ языкѣ въ Моравіи и Чехіи, если не все, то значительная часть, было перенесено къ католикамъ хорватамъ и къ православнымъ сербамъ и болгарамъ.

IV.

Нѣсколько „учениковъ“ Кирилла и Меѳодія поселились въ предѣлахъ тогдашняго Болгарскаго царства.

Царь Борисъ съ радостію принялъ изгнанныхъ изъ Моравіи Горазда, Климента, Наума и другихъ, оказалъ имъ поддержку и далъ возможность распространять церковно-славянскую письменность въ предѣлахъ своего обширнаго государства.

Его преемникъ, знаменитый *Симеонъ* послѣдовалъ примѣру отца. Человѣкъ, по тому времени очень хорошо образованный, вполнѣ владѣвшій греческимъ языкомъ („полугрекъ“) и имѣвшій близкое знакомство съ византійскими императорами и патріархами,—онъ собралъ около себя кружокъ переводчиковъ, во главѣ котораго стоялъ, повидимому, Іоаннъ Экзархъ. Здѣсь, отчасти по выбору и указанію Симеона, переводились съ греческаго на церковно-славянскій языкъ произведенія византійской литературы; отсюда, вѣроятно, исходили порученія дѣлать переводы „ученикамъ“ Кирилла и Меѳодія, жившимъ внѣ Болгарскаго царства или далеко отъ столицы Симеона Прѣяславля.

Симеонъ вознаграждалъ переводчиковъ за трудъ. Онъ же, вѣроятно, доставлялъ имъ списки греческихъ текстовъ, болѣе исправные, чѣмъ тѣ, которые могли пріобрѣсти сами переводчики.

Церковно-славянская письменность, благодаря Симеону, быстро возросла. Къ концу X столѣтія число переводныхъ произведеній на церковно-славянскомъ языкѣ, увидѣвшихъ свѣтъ у славянъ Балканскаго полуострова, должно было быть настолько велико, что болгарскій царь дѣйствительно могъ наполнять свои „клѣти“ книгами.

Переводчики работали въ разныхъ мѣстахъ Балканскаго полуострова. Церковно-славянскій языкъ, которымъ они пользовались, тогда еще не установился въ орѳографическихъ нормахъ, и потому имъ приходилось руководствоваться своимъ произношеніемъ его звуковъ и своимъ употребленіемъ формъ, синтаксическихъ оборотовъ и словарнаго матеріала. Церковная и догматическая терминологія продолжала быть разнообразной, и переводчики пользовались ею въ томъ ея видѣ, къ какому они привыкли.

Отсюда нѣкоторыя различія въ языкѣ переводовъ. Если мы, имѣя въ рукахъ болѣе или менѣе поздніе списки переводовъ, по большей части вышедшіе изъ подъ пера русскихъ писцовъ,—не можемъ видѣть особенностей въ звукахъ и формахъ, то намъ еще остается обширный словарный матеріалъ, какъ самъ въ себѣ, такъ и въ отношеніи къ словарному матеріалу греческихъ оригиналовъ.

На основаніи данныхъ словарнаго матеріала мы имѣемъ возможность значительную часть переводовъ раздѣлить на группы, и о нѣкоторыхъ группахъ сказать, что они принадлежатъ или кружку переводчиковъ какой-нибудь одной мѣстности, или даже одному переводчику (по имени намъ неизвѣстному).

Самая большая группа переводовъ была исполнена тѣмъ кружкомъ переводчиковъ, который находился при царѣ Симеонѣ и во главѣ котораго, повидимому, стоялъ Іоаннъ Экзархъ. Слово *чиститель*, употребляемое болѣе или менѣе часто въ значеніи священникъ, характеризуетъ языкъ переведенныхъ имъ текстовъ. Конечно, кромѣ этого слова, есть рядъ другихъ свойственныхъ по преимуществу этому кружку.

Не всѣ переводчики были равнаго достоинства.

Одни были греки, усвоившіе церковно-славянскій языкъ, по-своему образованные, во всякомъ случаѣ хорошо знавшіе греческій литературный языкъ. Ихъ было, можетъ быть, большинство. Іоанна Экзарха и Константина Болгарскаго надо поставить въ число этихъ переводчиковъ.

Другіе были славяне, знавшіе греческій живой языкъ и прошедшіе греческую школу. Они были слабѣе, особенно когда имъ приходилось имѣть дѣло съ богословскими и философскими терминами, съ античной миѳологіей, съ греческой исторіей и т. п.

Должно имѣть въ виду, что нѣкоторыя греческія произведенія были очень трудны для перевода. Даже очень образованные люди, при значительномъ трудѣ, едва ли могли перевести ихъ на какой угодно языкъ (не только на бѣдный еще тогда церковно-славянскій)

вполнѣ удовлетворительно. Это—многочисленныя церковныя пѣснопѣнія, входившія въ составъ Октоиха, Ирмолоя, Стихираря, Тріоди Постной, Тріоди Цвѣтной, Миней Общей и Миней мѣсячныхъ. Они были написаны греческими поэтами на поэтическомъ, часто архаическомъ греческомъ языкѣ, съ необычнымъ расположеніемъ словъ, съ разнообразными поэтическими украшеніями: надо думать, что даже образованные греки не вполнѣ ихъ понимали, какъ не вполнѣ понимаемъ ихъ теперь мы, вооруженные грамматиками, словарями и другими пособіями. А тогда о подобныхъ пособіяхъ не имѣли и представленія! Ихъ трудно переводить даже свободно, не только буквально, какъ признавали необходимымъ переводить всѣ переводчики древности. Понятно, переводы многихъ церковныхъ пѣснопѣній вышли малопонятны, а отчасти и совсѣмъ непонятны.

V.

Что же было переведено на церковно-славянскій языкъ при царѣ Симеонѣ?

Прежде всего слѣдуетъ упомянуть, что книги *священнаго писанія* въ это время явились отчасти въ исправленномъ, отчасти въ новомъ переводѣ. Для лучшаго ихъ пониманія былъ переведенъ рядъ „толкованій“: два на псалтырь, одно на книги ветхозавѣтныхъ пророковъ, одно на апостольскія посланія; къ числу „толкованій“ слѣдуетъ отнести и два „Шестодиева“, два обширные трактата, объясняющіе разсказъ книги Бытія о шести дняхъ творенія и наполненные разнообразными свѣдѣніями по астрономіи, астрологіи, космографіи, географіи, этнографіи, анатоміи и т. п. Эти свѣдѣнія для того времени были научными.

Что до многочисленныхъ *церковныхъ пѣснопѣній* и молитвъ, то они были переведены почти всѣ, какія были въ употребленіи въ византійской церкви. Греки имѣли уже „толкованія“ на нѣкоторые каноны; изъ нихъ нѣсколько было также переведено.

Произведенія *церковной проповѣди* и христіанскаго поученія были переведены въ столь значительномъ числѣ, что важнѣйшія творенія отцовъ греческой церкви стали доступны для „новыхъ людей“.

Среди нихъ находились многочисленныя слова Іоанна Златоуста, какъ подлинныя, такъ и передѣланныя въ Византіи почитателями его таланта, такъ и подражанія, принадлежавшія извѣстнымъ и неизвѣстнымъ греческимъ проповѣдникамъ, но ходившія среди люби-

телей съ именемъ Златоуста. Часть ихъ была сгруппирована въ сборникахъ: „Учительное Евангеліе“ въ переводѣ Константина Болгарскаго (51 слово на евангельскіе тексты для чтенія въ воскресные дни, начиная съ пасхи), „Златоструй“ (переводъ этого сборника былъ сдѣланъ по указанію самого царя Симеона) и „Андріатисъ“; часть была переведена въ составѣ Четіихъ-Миней или отдѣльно.

Послѣ словъ Златоуста можно упомянуть о словахъ Григорія Богослова, ученыхъ и малопонятныхъ по своей учености даже для образованныхъ грековъ и потому переведенныхъ на церковно-славянскій языкъ неудовлетворительно. Греки составляли толкованія на слова Григорія; славянамъ пришлось, уже въ Россіи, перевести одно изъ этихъ толкованій.

Слѣдуютъ слова Василія Великаго, Іоанна Дамаскина, Епифанія Кипрскаго, изъ которыхъ нѣкоторыя были переведены даже по два раза; „огласительныя поученія“ Кирилла Іерусалимскаго, составляющія значительную книгу; „Паренесисъ“, обширный сборникъ поученій Ефрема Сирина; „Пандектъ“, сборникъ краткихъ и популярныхъ нравственныхъ наставленій монаха Антіоха, и др.

Здѣсь можно назвать еще „Богословіе“ Іоанна Дамаскина, переведенное съ сокращеніями Іоанномъ Экзархомъ, важное для всякаго христіанина, и „Лѣствицу“ Іоанна Лѣствичника, обширный трактатъ о подвигахъ монашеской жизни.

Въ области *церковныхъ законовъ* былъ переведенъ „Номоканонъ въ XIV главахъ“, распространенный тогда въ византійской церкви и имѣвшій въ ней практическое примѣненіе.

Византійская церковь владѣла тогда значительнымъ числомъ *житій святыхъ*, ходившихъ среди читающей публики и отдѣльно, и въ составѣ двѣнадцати огромныхъ сборниковъ—Четіихъ-Миней. Въ послѣднихъ они были расположены по мѣсяцамъ и днямъ, на основаніи дней празднованія памяти святыхъ, и перемѣшаны съ поученіями. Въ кружкѣ царя Симеона была переведена большая часть житій (въ древнѣйшей, до-Метафрастовской ихъ редакціи) и всѣ двѣнадцать книгъ Четіихъ-Миней сдѣлались доступны славянскимъ читателямъ. Кромѣ того, нѣсколько житій, по обширности или по недовѣрію къ ихъ достоинству не введенныя греками въ составъ Миней,—также были переведены на церковно-славянскій языкъ. Таковы житія Нифонта, Панкратія Тавроменійскаго, Василія Новаго, Варлаама и Іоасафа.

Кромѣ житій святыхъ и повѣстей о лицахъ и событіяхъ священной исторіи, признававшихся истинными, византійская литера-

тура владѣла значительнымъ числомъ житій и повѣстей *апокрифическихъ*, такихъ, къ которымъ образованные люди относились съ недовѣріемъ или даже отрицательно. И изъ апокрифовъ многіе увидѣли свѣтъ на церковно-славянскомъ языкѣ. Таковы: „Откровеніе Авраама“, „Завѣты двѣнадцати патріарховъ“, повѣсть о пророкѣ Іереміи, „Хожденіе Богородицы по мукамъ“. Должно замѣтить, что нѣкоторое число повѣстей, которыя мы признаемъ апокрифическими, было помѣщено въ Четіихъ-Минеяхъ („дѣянія“ апостола Ѳомы и др.).

Греки владѣли еще обширными сборниками мелкихъ разсказовъ о святыхъ отшельникахъ малоазійскихъ, египетскихъ и италійскихъ пустынь, такъ называемыми *патериками*. И изъ этихъ сборниковъ было переведено не менѣе трехъ большихъ (Синайскій, Скитскій и Римскій патерики).

Собственно-историческія сочиненія, которыми византійскіе греки могли по справедливости гордиться, такъ называемые *хронографы*, своды историческихъ свѣдѣній, доступныхъ тогдашнему цивилизованному міру, —также обратили на себя вниманіе кружка царя Симеона. Изъ нихъ были переведены два обширныхъ и наиболѣе тогда популярныхъ хронографы Георгія Амартола (Грѣшника) и Іоанна Малалы Антіохійскаго.

Если мы къ указанному добавимъ еще произведенія въ родѣ предсказаній о концѣ міра Меѳодія Патарскаго, подробнаго разсказа о страшномъ судѣ монаха Палладія, вопросовъ и отвѣтовъ о всякихъ недоумѣнныхъ вещахъ съ именами князя Антіоха и Аѳанасія Александрійскаго, да сверхъ того, христоматію извѣстную подъ именемъ Святославова Сборника, то мы получимъ длинный списокъ именъ авторовъ и названій произведеній, вошедшихъ въ составъ юной церковно-славянской литературы.

Мы должны сказать, что вѣроятно, во времена царя Симеона уже получило распространеніе на Балканскомъ полуостровѣ все то, что было переведено съ разныхъ языковъ въ Моравіи при первоучителѣ Меѳодіи и вскорѣ послѣ его кончины.

Обозрѣвая всю массу переведенныхъ текстовъ, мы можемъ видѣть, что церковно-славянская литература въ X вѣкѣ имѣла по преимуществу духовный характеръ. Византія этого времени не читала греческихъ и латинскихъ классиковъ; Гомеръ, Софоклъ, Аристофанъ, Ксенофонтъ, Платонъ, Аристотель, Лукіанъ были достояніемъ немногихъ ученыхъ; масса византійской читающей публики ими не интересовалась. Конечно, „новые люди“, стремившіеся поскорѣе сдѣлаться настоящими христіанами въ нихъ не нуждались.

Да и сомнительно, чтобъ Гомеръ, Софоклъ, Аристофанъ, еслибъ ихъ кто тогда перевелъ на церковно-славянскій языкъ, по обычаю того времени буквально, сомнительно, чтобы они нашли себѣ читателей.

Вчерашніе язычники, славяне Балканскаго полуострова были богаты пѣснями, сказками, легендами, вообще устнымъ поэтическимъ матеріаломъ; они могли искать у грековъ не пополненія этого матеріала и безъ того обильнаго, а новыхъ матеріаловъ, необходимыхъ или важныхъ для нихъ, указывавшихъ, какъ жить по-христіански, какъ дѣлать добро и подвиги, какъ искать спасенія для души.

Впрочемъ, кое-что изъ данныхъ классической литературы перешло къ славянамъ. Переводъ „Богословія“ Іоанна Дамаскина далъ имъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ области философіи; переводъ „Шестоднева“ Іоанна Экзарха познакомилъ съ результатами классической астрономіи и другихъ наукъ древности.

VI.

Кромѣ переводовъ, юная церковно-славянская литература имѣла въ своемъ составѣ и оригинальныя произведенія.

Конечно, ихъ не могло быть много. Конечно, они не могли отличаться полною самостоятельностью. Но все же они были и число ихъ едва ли было такъ ничтожно, какъ обыкновенно думаютъ: область разнообразныхъ словъ и поученій, унаслѣдованная нами отъ древности, все еще нами не приведена въ извѣстность, не только не изслѣдована.

Во главѣ авторовъ вѣка царя Симеона мы ставимъ упоминавшагося уже нами *Іоанна Экзарха*. Онъ, въ санѣ священника, былъ намѣстникомъ греческаго архіепископа, имѣвшаго каѳедру въ Дристрѣ (=Силистріи), и управлялъ по его полномочію церковными дѣлами въ восточной части Балканскаго полуострова, гдѣ находился болгарскій царь. Поэтому онъ именуется „Экзархомъ Болгарскимъ“.

Въ рядѣ списковъ, русскихъ, сербскихъ, средне-болгарскихъ, начиная съ древнихъ и кончая новѣйшими (XVIII вѣка) до насъ дошло шесть словъ Іоанна съ его именемъ (по одному на рождество, на крещеніе, на преображеніе, на вознесеніе и два на евангельскіе тексты). По сходству съ этими несомнѣнно принадлежащими Іоанну словами, ему можно приписывать еще нѣсколько словъ, списки которыхъ, иногда очень древніе (XI вѣка), не имѣютъ его имени.

Іоаннъ Экзархъ составлялъ свои слова не для народа, а для царя и вельможъ, вообще для образованныхъ людей. Это—произве-

денія духовнаго краснорѣчія, живыя, снабженныя обычными украшеніями однородныхъ греческихъ словъ. Слово на вознесеніе начинается восклицаніемъ: „Веселитеся, небеса, и радуйся, земля!“ Кстати сказать, этимъ же восклицаніемъ начинается также одно изъ словъ Кирилла Іерусалимскаго въ церковно-славянскомъ переводѣ. Въ словѣ на преображеніе авторъ ведетъ разговоръ съ апостоломъ Петромъ. Въ словѣ на крещеніе онъ заставляетъ бесѣдовать Христа съ Іоанномъ Крестителемъ. Въ общемъ слова Іоанна Экзарха мало самостоятельны и въ общемъ, и въ частностяхъ. Онъ слѣдуетъ Іоанну Златоусту и его подражателямъ; иногда онъ повторяетъ Ефрема Сирина. Не предлагая наставленій, онъ даетъ кое-что полезное для „новыхъ людей“. Почти каждое его слово заключаетъ въ себѣ догматическія разъясненія, важныя для новообращенныхъ; иногда мы въ нихъ находимъ полемику съ „жидовиномъ“, также, можетъ быть, не лишенную значенія въ то время, такъ какъ и въ Солунѣ, и въ Болгаріи было тогда довольно много евреевъ; иногда Іоаннъ Экзархъ полемизируетъ съ еретиками. Впрочемъ, и полемика съ „жидовиномъ“, и споръ съ еретиками не рѣдкость и въ словахъ Іоанна Златоуста.

Вчитываясь въ слова Іоанна Экзарха, мы видимъ литературный талантъ, крупный для только что начавшейся литературы. Потомство оказалось признательнымъ къ энергичному дѣятелю: его слова пользовались цѣлый рядъ вѣковъ вниманіемъ читателей во всѣхъ странахъ православнаго славянства, а его память въ Болгаріи была почтена причисленіемъ его къ лику святыхъ.

Вторымъ по Іоаннѣ Экзархѣ авторомъ вѣка Симеонова мы признаемъ *Климента*, ученика Меѳодіева, игравшаго значительную роль при Меѳодіи въ Моравіи и потому послѣ кончины Меѳодія изгнаннаго изъ Моравіи. Онъ жилъ въ западной Болгаріи, въ Охридѣ, вдали отъ двора болгарскихъ царей, гдѣ основалъ монастырь и гдѣ почиваютъ его мощи. Списки его словъ обыкновенно называютъ его „епископомъ“ или „епископомъ словенскимъ“, т. е. поставленнымъ для славянъ; греки имѣли въ западной Болгаріи своихъ епископовъ. Въ противоположность Іоанну Экзарху, Климентъ составлялъ свои слова по преимуществу для простого народа, нуждавшагося еще въ элементарныхъ свѣдѣніяхъ въ области христіанства. Большая часть его словъ кратки и знакомятъ читателя съ предметомъ какого-либо праздника или съ значеніемъ какого-либо святого. „Знайте, братья, такъ часто начинаетъ Климентъ свое слово, что сегодня день памяти такого-то святого. Соберитесь въ церковь на молитву“; или: „Послушайте, братья, я вамъ разскажу о сегодняшнемъ праздникѣ,

что въ этотъ день произошло"; или: „Вотъ насталъ намъ праздникъ такой-то". Но нѣкоторыя слова Климента близки къ словамъ Іоанна Экзарха и вмѣстѣ—къ словамъ Іоанна Златоуста. Они—длинны и изобилуютъ цвѣтами краснорѣчія. Эти слова—менѣе самостоятельны, чѣмъ краткія. Элементы поученія у Климента отличаются очень общимъ характеромъ: будемъ жить въ чистотѣ; будемъ помогать больнымъ и нищимъ, и т. п.

Климентъ не былъ такъ талантливъ какъ Іоаннъ Экзархъ, но зато былъ очень плодовитъ. Хотя словъ означенныхъ его именемъ дошло до насъ немного, тѣмъ не менѣе по сходству съ этими словами, благодаря однообразію литературныхъ пріемовъ и риторическихъ выраженій Климента, мы можемъ съ увѣренностью считать вышедшимъ изъ-подъ его пера еще цѣлый рядъ словъ, списки которыхъ не сохранили его имени.

Климентъ былъ славянинъ; онъ славянъ называетъ: „мой народъ". Потомство и къ нему отнеслось съ признательностью: его слова дошли до насъ въ огромномъ количествѣ списковъ; нѣкоторыя изъ нихъ были внесены въ наиболѣе популярные сборники (какъ русскій Прологъ); самъ онъ, вскорѣ послѣ кончины, былъ признанъ святымъ и его чествованіе до сихъ поръ продолжается въ Болгаріи.

О третьемъ авторѣ вѣка царя Симеона *Константинѣ Болгарскомъ*, сначала священникѣ, потомъ епископѣ въ какой-то славянской области на югѣ Македоніи, мы знаемъ, что онъ былъ „ученикомъ" Кирилла и Меѳодія, повидимому, во время ихъ совмѣстной дѣятельности. Его „Учительное Евангеліе", о которомъ мы уже упомянули выше, еще недавно считалось его собственной компиляціей изъ словъ греческихъ проповѣдниковъ, но митрополитъ Антоній (Вадковскій) доказалъ, что Константинъ воспользовался готовой греческой компиляціей, одной изъ тѣхъ, какихъ у грековъ было много, составленной по преимуществу изъ словъ Іоанна Златоуста. Впрочемъ нѣтъ сомнѣнія, что Константинъ не просто перевелъ греческій текстъ; онъ взялъ изъ него все существенное, но снабдилъ своими введеніями и заключеніями. Любопытно, что въ одномъ изъ введеній онъ извиняется, что часто проповѣдуетъ. Заключенія имѣютъ больше или меньше наставленій общаго характера: голодныхъ накормимъ, жаждущихъ напоимъ, больныхъ посѣтимъ; не будемъ подставлять ушей пѣснямъ бѣсовскимъ, и т. п.

Константинъ въ свое время, повидимому, пользовался большимъ уваженіемъ; повидимому, и онъ у ближайшаго потомства признавался святымъ; но потомъ, благодаря тождеству своего имени съ

именемъ славянскаго первоучителя, былъ смѣшанъ съ этимъ послѣднимъ; во всякомъ случаѣ позволительно догадываться, что такъ называемая Солунская легенда, наполненная странными на первый взглядъ подробностями о первоучителѣ Кириллѣ, имѣетъ въ виду главнымъ образомъ Константина Болгарскаго.

Судьба была мало милостива къ этому автору: его „Учительное Евангеліе“ дошло только въ одномъ полномъ спискѣ (русскомъ, XII—XIII в.); извѣстно еще два списка этого труда въ сокращеніи (сербскихъ). Отдѣльныя слова „Учительнаго Евангелія“ почти совсѣмъ не получили обращенія; только одному „прологу“ „Учительнаго Евангелія“, или азбучной молитвѣ его посчастливилось.

Есть основаніе догадываться, что Константинъ Болгарскій, кромѣ „Учительнаго Евангелія“, переведеннаго въ 898 году, кромѣ словъ Аѳанасія Александрійскаго на аріанъ, переведенныхъ въ 906 году, написалъ еще нѣкоторое число словъ, но дошедшіе до насъ списки ихъ не имѣютъ на себѣ его имени.

Слѣдующіе два дѣятеля юной церковно-славянской литературы принадлежатъ уже не вѣку царя Симеона, а ближайшему за нимъ времени.

Одинъ —*Петръ Черноризецъ*, авторъ нѣсколькихъ дошедшихъ съ его именемъ словъ поучительнаго содержанія: о постѣ и молитвѣ, о спасеніи души, о временной жизни. Несомнѣнно, что онъ написалъ не только эти слова, но и много другихъ однородныхъ, но мы пока не въ состояніи найти ихъ въ массѣ древней церковно-славянской учительной литературы. Петръ пишетъ пространно, но его поученіе имѣетъ хотя и общій, но энергичный характеръ. Въ талантѣ ему отказать нельзя. Позволительно думать, что этотъ авторъ—не кто иной, какъ сынъ и преемникъ царя Симеона, царь болгарскій Петръ, супругъ византійской принцессы, умершій монахомъ въ одномъ изъ монастырей Царьграда. Во всякомъ случаѣ въ одномъ сборничкѣ изреченій, составленномъ въ Россіи, есть изреченіе „Петра царя болгарскаго“. Значитъ, какой-то русскій книжникъ имѣлъ въ рукахъ какое-то слово съ именемъ царя болгарскаго Петра и изъ него сдѣлалъ краткое извлеченіе.

Слова этого автора читались усердно въ древней Россіи, передѣлывались, сокращались, вносились въ разные сборники и вообще цѣнились высоко.

Другой—*Козма Пресвитеръ*, современникъ царя Петра, слыхавшій объ Іоаннѣ Экзархѣ, но уже не заставшій его въ живыхъ. Ему принадлежитъ „Слово на еретиковъ и поученіе отъ божествен-

Библиотека

ныхъ книгъ", направленное съ одной стороны противъ еретиковъ богомиловъ, съ другой противъ печальныхъ явленій церковной жизни тогдашней Болгаріи. Козма разсказываетъ намъ, какъ монахи ходятъ изъ мѣста въ мѣсто, какъ затворники поселяются въ затворахъ, чтобы жить на свободѣ, хорошо ѣсть и пить, какъ епископы и священники пренебрегаютъ заботами о паствѣ. Его обличенія написаны очень живо и читаются съ интересомъ. Понятно, „Слово" находило себѣ читателей и въ послѣдующіе вѣка; мы имѣемъ нѣсколько полныхъ его списковъ (русскихъ) и рядъ извлеченій, внесенныхъ въ популярные сборники, въ родѣ русскаго Пролога и Измарагда.

Перечитывая произведенія названныхъ нами авторовъ, мы поражаемся отсутствіемъ въ нихъ мѣстныхъ, болгарскихъ данныхъ. Только у Козмы есть кое-какія свѣдѣнія о Болгаріи его времени. Несомнѣнно, что на Балканскомъ полуостровѣ въ X вѣкѣ было еще много язычниковъ, некрещеныхъ и крещеныхъ; но объ язычествѣ въ первыхъ произведеніяхъ юной литературы нѣтъ почти совсѣмъ упоминаній; мы напрасно искали бы въ нихъ имени хотя-бы одного языческаго божества, хотя-бы одного языческаго праздника. Вообще въ нихъ нѣтъ почти ничего для характеристики болгарскаго быта IX—X вѣковъ.

Точно также поражаетъ насъ и отсутствіе въ церковно-славянской литературѣ Болгаріи оригинальныхъ историческихъ сочиненій, повѣстей, житій и т. п.

Вѣкъ царя Симеона былъ богатъ событіями: войнами, побѣдами и т. п.; но если-бы не греческіе источники, мы объ этихъ событіяхъ не знали бы ничего. Повидимому, кое-какія скудныя замѣтки о лицахъ и событіяхъ X вѣка кѣмъ-то въ восточной Болгаріи были написаны; ими потомъ воспользовались;—но ничего похожаго на нашу первую лѣтопись или на греческій хронографъ не было составлено.

Въ X вѣкѣ Болгарія пріобрѣла своихъ святыхъ угодниковъ. Кромѣ Кирилла и Меѳодія, признаніе которыхъ святыми произошло еще въ Моравіи, были признаны святыми ихъ „ученики", жившіе и дѣйствовавшіе въ Болгаріи,—Климентъ, Наумъ, Савва, Ангеляръ, Гораздъ, упоминавшійся уже не разъ Іоаннъ Экзархъ, основатель знаменитаго монастыря Іоаннъ Рыльскій († 945), царь Петръ, какой-то Григорій, „епископъ Мисіи", можетъ быть, одинъ изъ переводчиковъ въ кружкѣ царя Симеона,—но ни одного житія въ обычномъ смыслѣ этого слова не было составлено. Мы имѣемъ отъ X столѣтія только краткія біографическія замѣтки о Климентѣ, Наумѣ, Іоаннѣ Рыльскомъ. Объ Іоаннѣ Экзархѣ, царѣ Петрѣ, Григоріи у насъ нѣтъ

буквально ничего,—только упоминанія ихъ въ святцахъ богослужебныхъ книгъ въ ряду другихъ святыхъ.

VII.

Мы были бы несправедливы къ древней церковно-славянской литературѣ, если-бы забыли упомянуть объ находившихся въ ея составѣ *стихотвореніяхъ*.

Греки IX—X вѣковъ были любителями стихотворства и писали много стиховъ. Наиболѣе распространеннымъ размѣромъ былъ 12-тисложный „политическій стихъ“, основанный не на чередованіи долгихъ и краткихъ слоговъ, но на чередованіи ударяемыхъ и неударяемыхъ звуковъ, а только на числѣ слоговъ (какъ теперь у французовъ и поляковъ). Риѳмы не было, но зато были въ широкомъ употребленіи акростихъ и другія внѣшнія украшенія.

Первые славянскіе авторы, слѣдуя грекамъ и по ихъ образцамъ, занимались и писаніемъ стиховъ. Отъ нихъ дошелъ до насъ рядъ стихотвореній съ азбучнымъ акростихомъ (азбучныя молитвы): ихъ акростихъ—славянская азбука въ обычномъ для древности порядкѣ ея буквъ. Большая часть этихъ стихотвореній сохранилась только въ позднихъ спискахъ (главнымъ образомъ русскихъ) и въ искаженномъ видѣ вслѣдствіе сокращеній, дополненій и перестановки словъ переписчиковъ; но одна азбучная молитва, составляющая „прологъ“ къ „Учительному Евангелію“ Константина Болгарскаго, дошла до насъ въ русскомъ спискѣ XII—XIII вѣка; она можетъ быть безъ труда возстановлена въ своемъ первоначальномъ видѣ; для этого стоитъ только возстановить всѣ бывшіе въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ ъ и ь. Начальныя строки ея—

Азъ словомь симь молюся Богу:
Боже вьсея твари и зиждителю
Видимыимъ и невидимыимъ.

Авторъ, между прочимъ, говоритъ: „Летитъ нынѣ и славянское племя ко крещенію; обратились всѣ, желая назваться Твоими людьми“.

Одно стихотвореніе, безъ акростиха, находится при нѣсколькихъ сербскихъ спискахъ евангелія XIV вѣка. Можетъ быть, и оно принадлежитъ Константину Болгарскому. Какъ-будто именно Константинъ пересмотрѣлъ церковно-славянскій переводъ евангелія, подправилъ его и выпустилъ въ свѣтъ, снабдивъ стихотворнымъ „прогласомъ“, или объявленіемъ объ евангеліи. Здѣсь въ энергичныхъ выраженіяхъ опредѣляется значеніе для славянъ „книжнаго слова“ на ихъ языкѣ. „Слыша слово на чужомъ языкѣ, говоритъ авторъ, они слышатъ какъ-бы звонъ мѣди“ (т. е. безполезно чтеніе священнаго

писанія на непонятномъ языкѣ). „Слышьте, славяне! обращается авторъ: этотъ даръ (евангеліе въ церковно-славянскомъ переводѣ) отъ Бога вамъ данъ; слышьте, всѣ славянскіе народы! Слово къ вамъ пришло отъ Бога, слово, питающее человѣческія души, слово, укрѣпляющее сердце и умъ". Авторъ—не славянинъ; онъ говоритъ славянамъ всегда *вы*, а не *мы*.

Два стихотворенія, также безъ акростиха, представляютъ собой нѣчто въ родѣ посвященій царю Симеону. У византійскихъ грековъ было въ обычаѣ снабжать рукописи, изготовленныя для императоровъ, стихотвореніями въ ихъ честь. Такъ, при Минологіи Василія Македонянина мы читаемъ составленное въ похвалу ему стихотвореніе въ 27 стиховъ. Такія же стихотворенія были помѣщены въ рукописныхъ книгахъ царя Симеона. Одно дошло до насъ въ отличномъ видѣ въ такъ называемомъ Святославовомъ Сборникѣ 1073 г.; оно имѣетъ 27 стиховъ. Другое дошло въ плохомъ видѣ—при спискахъ Златоструя XV XVI вѣковъ. Содержаніе обоихъ стихотвореній представляетъ мало любопытнаго; стоитъ отмѣтить, что Симеонъ восхваляется какъ любитель и покровитель литературы.

VIII.

Древнѣйшій періодъ церковно-славянской письменности закончился X-мъ вѣкомъ. Политическія обстоятельства болгарскаго государства послѣ смерти царя Симеона были тяжелыя. Нашъ Святославъ напалъ сначала на греческіе города на Дунаѣ, а потомъ на придунайскую Болгарію. Онъ занялъ даже столицу болгарскихъ царей Прѣяславль и задумалъ переселиться въ нее. Византійскій императоръ Цимисхій выступилъ на защиту своихъ городовъ, побѣдилъ и прогналъ Святослава, а вмѣстѣ занялъ и болгарскія земли. Болгарія, какъ самостоятельное государство, на нѣкоторое время перестала существовать.

Повидимому, переводческой дѣятельности въ Болгаріи XI вѣка почти уже не существовало. Во всякомъ случаѣ мы не знаемъ ничего, переведеннаго въ ней въ этомъ столѣтіи. Точно также у насъ нѣтъ слѣдовъ оригинальнаго творчества болгаръ за это время. Можно думать, что болгарскіе книжники могли тогда только поддерживать имѣвшееся уже литературное достояніе, т. е. сохранять и переписывать.

Зато церковно-славянская письменность расцвѣла въ *Россіи*.

Еще до крещенія всей Руси, при Ольгѣ, русскіе христіане, повидимому, пользовались церковно-славянскими богослужебными текстами и при ихъ помощи совершали богослуженіе.

Послѣ крещенія всей Руси, при Владимирѣ Святомъ, церковно-

славянскія книги, вмѣстѣ съ христіанствомъ, широкой волной распространились по Россіи.

Мы не имѣемъ права говорить, что Россія получила *все*, что было въ Болгаріи X-го вѣка,—все, что было написано на церковно-славянскомъ языкѣ солунскими братьями, ихъ „учениками" въ Моравіи и Болгаріи, и „учениками" ихъ „учениковъ", въ Чехіи, все, что было написано въ вѣкъ царя Симеона и въ ближайшее время послѣ Симеона въ Болгаріи. Но можемъ съ рѣшительностью утверждать, что Россія получила большую часть того, чѣмъ владѣла Болгарія; *древняя церковно-славянская литература* была усвоена русскими и *легла въ основаніе русской литературы*.

Церковно-славянскій языкъ сдѣлался русскимъ литературнымъ языкомъ. Онъ на русской почвѣ быстро обрусѣлъ, усвоилъ себѣ многія особенности русскаго языка; но въ общемъ сохранилъ свои черты. На немъ стали писать сами русскіе, одни лучше, на болѣе чистомъ церковно-славянскомъ языкѣ, другіе, менѣе начитанные въ церковно-славянскихъ текстахъ, - хуже, на пестрой смѣси церковно-славянскаго языка съ русскимъ.

Какими путями шли церковно-славянскіе тексты изъ Болгаріи въ Россію, мы не знаемъ.

Трудно допустить, чтобы послѣ Святослава были у Россіи сколько-нибудь живыя сношенія съ Болгаріей и вообще съ южнымъ славянствомъ. Общихъ интересовъ было мало и наши лѣтописи о сношеніяхъ молчатъ. Даже брачныя связи русскихъ князей съ южно-славянскими государями XII—XIII вѣковъ почти отсутствуютъ.

Можно догадываться, что путь для церковно-славянскихъ текстовъ лежалъ черезъ Царьградъ.

Царьградъ X-го и XI-го вѣковъ представлялъ огромный рынокъ, гдѣ сходились разнообразные товары всего тогдашняго міра. Что мудренаго, что въ немъ продавались и церковно-славянскія книги? Кіевъ предъявлялъ на эти книги спросъ и давалъ хорошія цѣны; греческіе купцы могли принимать мѣры къ удовлетворенію этого спроса. Сверхъ того, слѣдуетъ помнить, что въ Царьградъ была доставлена богатая добыча, взятая въ Болгаріи Цимисхіемъ и его воинами. Книги были тогда дороги и ихъ охотно брали въ числѣ военной добычи. Библіотека самихъ болгарскихъ царей (Симеона и Петра) легко могла попасть въ руки грековъ, и византійскіе императоры могли посылать въ качествѣ подарковъ русскимъ князьямъ роскошные экземпляры церковно-славянскихъ текстовъ изъ этой библіотеки.

Остромирово Евангеліе—копія съ роскошнаго и дорогого цер-

ковно-славянскаго оригинала, изготовленнаго для болгарскаго царя или для одного изъ его вельмож. Писецъ Остромирова Евангелія повторилъ свой оригиналъ, скопировалъ его. Вышла тоже очень роскошная и дорогая книга. Но онъ копировалъ въ Россіи, можетъ быть, въ Кіевѣ (хотя писалъ по заказу новгородскаго посадника). Значитъ, его оригиналъ находился въ Россіи.

Святославовъ Сборникъ 1073 года - также копія съ отличнаго церковно-славянскаго оригинала, украшеннаго рисунками, который, очевидно, находился также въ Россіи.

Церковно-славянская литература на русской почвѣ начала быстро пополняться. Ярославъ, по словамъ нашей лѣтописи, „собралъ многихъ писцовъ" и при ихъ помощи перевелъ съ греческаго на церковно-славянскій рядъ греческихъ сочиненій. Это были, повидимому, или новости византійской литературы, не существовавшія еще въ вѣкъ царя Симеона, или такія произведенія, которыя не внушали книжнымъ людямъ Византіи особеннаго довѣрія; кое-что тогда было переведено, быть можетъ, и изъ произведеній свѣтской (поэтической) литературы Византіи, въ родѣ повѣстей объ Акирѣ Премудромъ, о Дигенисѣ, объ иверской царицѣ Динарѣ. Но мы не въ состояніи опредѣлить, что именно было переведено въ Россіи при Ярославѣ. Мы можемъ выдѣлить переводы, сдѣланные въ Россіи изъ массы переводовъ, полученныхъ Россіею изъ Болгаріи, но не имѣемъ средствъ отдѣлить старшіе русскіе переводы, времени Ярослава, отъ переводовъ сдѣланныхъ послѣ Ярослава, до конца до-монгольскаго періода.

Какъ бы то ни было, древняя церковно-славянская литература сдѣлалась русскою. Русскіе стали ею пользоваться какъ своей и въ ней искать образцовъ для своихъ произведеній. Греческіе тексты были для нихъ малодоступны, по отсутствію въ Россіи владѣвшихъ греческимъ языкомъ людей.

Что бы мы ни взяли изъ древне-русской оригинальной литературы, все связано съ произведеніями литературы церковно-славянской. Наша первая лѣтопись заключаетъ въ себѣ церковно-славянскіе тексты, переведенные съ греческаго, и сама слѣдуетъ какъ за образцомъ за переведенными съ греческаго хронографами. Поученіе Владимира Мономаха наполнено фразами изъ переведенныхъ съ греческаго на церковно-славянскій языкъ поученій. Житіе Ѳеодосія Печерскаго—подражаніе переведеннымъ на тотъ же языкъ житіямъ греческихъ святыхъ.

Но замѣчательно: русская литература съ первыхъ шаговъ стала обнаруживать вниманіе ко всему русскому: первая русская лѣтопись

говоритъ о событіяхъ русской исторіи, записываетъ русскія преданія, скорбитъ о несчастіяхъ русскаго народа; первыя русскія житія посвящены русскимъ святымъ угодникамъ и подробно говорятъ объ ихъ жизни и дѣятельности; цѣлый рядъ древнѣйшихъ русскихъ поученій (по большей части анонимныхъ) касается остатковъ русскаго язычества и печальныхъ сторонъ древне-русской жизни, и т. п. Словомъ, русская литература съ самаго начала является гораздо болѣе народною, чѣмъ болгарская.

X.

Перешедшая къ намъ изъ Болгаріи древняя церковно-славянская литература составила главный фондъ русской литературы. Въ до-монгольскій періодъ русскія оригинальныя произведенія совершенно терялись въ массѣ этой церковно-славянской литературы; они составляли всего нѣсколько томовъ въ большой библіотекѣ. Въ монгольскій періодъ, до XV столѣтія, древняя церковно-славянская литература продолжала жить въ Россіи. Южно-славянское вліяніе конца XIV и первой половины XV вѣковъ пополнило ея матеріалъ новыми южно-славянскими (болгарскими и сербскими) переводами съ греческаго на церковно-славянскій языкъ. Но все же до второй половины XVI вѣка древняя церковно-славянская литература еще преобладала надъ русской—оригинальной и переводной (съ разныхъ языковъ). Только въ XVII вѣкѣ древняя церковно-славянская литература въ Россіи стала отходить на второй планъ и только съ XVIII вѣка она утратила значеніе.

Такимъ образомъ на древней церковно-славянской литературѣ воспиталась вся старая Русь и слѣды ея вліянія еще живо чувствуются въ нашей жизни, точно также какъ слова церковно-славянскаго языка употребляются нами въ изобиліи и въ литературномъ языкѣ, и въ живой рѣчи образованныхъ людей.

Не слѣдуетъ забывать, что древніе авторы и переводчики были много счастливѣе нынѣшнихъ: ихъ произведенія жили цѣлые вѣка и читались десятками поколѣній. Переводъ, напримѣръ, сборника поученій Ефрема Сирина („Паренесисъ“), сдѣланный въ вѣкъ царя Симеона, столь охотно читался въ Россіи XVII вѣка, что былъ въ этомъ столѣтіи въ Москвѣ напечатанъ. Другіе переводы были менѣе счастливы, но вообще счастливыхъ, если бы ихъ перечесть, оказалось бы много...

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

„Разиновщина, какъ соціологическое и психологическое явленіе народной жизни", акад. **А. Соболевскаго.** „Евреи въ исторіи", **Алексѣя Шмакова.** „Психическое убожество іудеевъ", проф. **В. Залѣсскаго.** „Исторія моей жизни", **А. Мирской.** „Нужны-ли выборы?", **Н. Родзевича.** „Отстаивайте русскую землю", кн **А. Щербатова.** „Какъ само населеніе Россіи понимаетъ свое участіе въ государственныхъ дѣлахъ", **Г. Шечкова.** „Настоящая программа кадетской партіи". **А. Швецова,** „Внутреннее обозрѣніе", **Н. Черникова.** „Исторія французской революціи", **И. Тэна.**

Осталось весьма незначительное количество полныхъ экземпляровъ журнала „Мирный Трудъ" за прошлые годы.

Для подписчиковъ журнала на 1908 годъ.

ЦѢНЫ:

5 книгъ 1902 3 г..... 2 р.
10 „ 1904 г..... 4 р.
10 „ 1905 г..... 5 р.
10 книгъ 1906 г..... 3 р.
10 „ 1907 г..... 3 р.

Въ редакціи журнала „Мирный Трудъ", (Харьковъ, Дѣвичья, 14) имѣются въ продажѣ слѣдующія книги:

Ипполитъ Тэнъ. „ИСТОРІЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ". Томъ I. Книга 1. ДОБРОВОЛЬНАЯ АНАРХІЯ. Книга 2. УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНІЕ и ЕГО ДѢЛО. Харьковъ, 1906 г. Цѣна **50** коп.

Тоже. Томъ II. Книга 2. УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНІЕ и ЕГО ДѢЛО. Книга 3. ПРИМѢНЕНІЕ КОНСТИТУЦІИ. Харьковъ. 1907 г. Цѣна **60** коп.

Для подписчиковъ журнала „Мирный Трудъ" цѣна за ОБА ТОМА съ перес. **1 руб.**

Екатерина Задонская. БЫЛЬ XIX СТОЛѢТІЯ. (Дѣтямъ моимъ). Томъ I, **безъ пропусковъ** съ 18-ю портретами и рисунками. Для подписчиковъ журнала „Мирный Трудъ" цѣна **2 р. 50 к.**, съ перес. (на тряпичной бумагѣ), въ переплетѣ—**3 руб.**

Печатается новая книга:

„Въ туманѣ смутныхъ дней".

Сборникъ докладовъ, рѣчей и статей проф. **А. С. Вязигина.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

Годъ **ШЕСТОЙ.** **„МИРНЫЙ ТРУДЪ“** Годъ **ШЕСТОЙ.**

1908 годъ.

(Ежемѣсячное научно-литературное и общественное изданіе)

Не менѣе 150 листовъ въ годъ.

Признавая мирный трудъ единственнымъ средствомъ для осуществленія столь необходимыхъ общественныхъ преобразованій, ставитъ своей задачею посильное содѣйствіе пробужденію чувства національной нетерпимости, русскаго національнаго самосознанія, умѣренно культурнаго общенія со славянствомъ, изученію созидательной работы Запада и росту общественной самостоятельности, оцѣнивающей свое и чужое, независимо отъ партійныхъ соображеній и указокъ.

Въ журналѣ принимаетъ постоянное участіе рядъ профессоровъ и преподавателей нашихъ учебныхъ заведеній

Особымъ приложеніемъ и цѣлью перевода выдающагося сочиненія **ТЭНА — „Исторія французской революціи“.**

Постоянно сообщаются свѣдѣнія о ДѢЯТЕЛЬНОСТИ РУССКИХЪ ОБЩЕСТВЪ и СОЮЗОВЪ, усматривающихъ въ созидательномъ служеніи творческимъ началамъ Православія, Самодержавія и Народности основу благоденствія и развитія Россіи, залогъ избавленія отъ внѣшнихъ и внутреннихъ опасностей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: для городскихъ (харьковскихъ) подписчиковъ 5 руб. въ годъ, для иногородныхъ съ пересылкой 6 руб. на полгода 3 р. Отдѣльная книжка 1 руб. съ пересылкой.

ПОДПИСКА НА 1908 г. ПРИНИМАЕТСЯ: во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ, удерживающихъ за коммиссію и пересылку книгъ по 30 коп. съ годового экземпляра, и въ редакціи журнала (Дѣвичья, № 14. Харьковъ)

Журналъ „Мирный Трудъ“ Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ одобренъ для фундаментальныхъ библіотекъ духовно-учебныхъ заведеній, а Учебными Комитетами Министерства Народнаго Просвѣщенія и Министерства Финансовъ допущенъ къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки учебныхъ заведеній обоихъ вѣдомствъ, рекомендованъ для фундаментальныхъ библіотекъ военно-учебныхъ заведеній и допущенъ въ безплатныя народныя читальни.

Плата за объявленія: 20 рублей за полную страницу, 10 руб. за половину и 5 руб. за четверть страницы.

При редакціи имѣется складъ противореволюціонныхъ книжекъ и листковъ.

Редакторъ-издатель **проф.** А. ВЯЗИГИНЪ.

Въ журналѣ „Мирный Трудъ“ за 1906 г. (IV г. изд.) помѣщены м. п.: „Никудышники“ и др. стихот., „Причины нашихъ выборныхъ въ Государственную Думу пораженій“, **В. Пуришкевича**. „Новые люди“ романъ **Н. И. Мердеръ** „Дни революціи въ Гельсингфорсѣ“, **В. П. К-на**. „Народное представительство и Государственная Дума“, „Гапонъ и Гапоновщина“, **кн. М. Шаховского**. „Христіанскій міръ и воинствующее іудейство“, **Д. Русинова**. „Къ характеристикѣ Славянофильства, какъ политическаго ученія“, „Ложь запада и творчество востока по славянофильскому ученію“, „Памятка о Ѳ. М. Достоевскомъ“, „Отзывы о просвѣтительной дѣятельности А. С. Хомякова“, барона **М. Ф. Таубе**. „Картины избирательныхъ правовъ при всеобщемъ голосованіи“, **Ш. Бенуа** пер. **В. Задонскаго**. „Горнорусальскій заводъ“ повѣсть, „Ночь послѣ храмового праздника“ (происш. 1812 г.), **М. Левицкаго**. „Еврейскій вопросъ“, „Забастовка, какъ средство борьбы“, **А. Ососова**. „О происхожденіи единодержавія государей Московскихъ“, **В. Ермолова**. „Объ истинномъ значеніи нѣкоторыхъ словъ“, „Лихолѣтье на безотечествѣ“, „Сущность Самодержавія“, **Г. Шечкова**. „Въ защиту патріотизма“, **Н. Страхова** „Франмасонство и французская революція“, **М. Тальмейера**. „Почему нельзя сочувствовать „освободительному движенію“?, **А. Эрфурта**. „Еврейскій вопросъ въ освѣщеніи Ѳ. М. Достоевскаго“, **И. Аносова**. „Участіе Русскаго Собранія въ дѣлѣ образованія и просвѣщенія народа“, проф. **Никольскаго**. „Объ аграрномъ вопросѣ“, „Самодержавіе“, **Д. Х.** „Князь Сергій Владиміровичъ Шаховской“, **П. Хорсова**. „Какъ Государственная Дума разрѣшала аграрный вопросъ?“, „Къ вопросу о смертной казни“, проф. **Т. И. Буткевича**. „Парламентаризмъ и его оцѣнка на западѣ“, проф. **В. Залѣсскаго**. „Мининская копѣйка“, проф. **А. Вязигина**. „Русскій Духъ“, проф. **Н. Сергѣевскаго**. Исторія французской революціи. **И. Тэна**.

За 1907 г. (V годъ изд.) помѣщены м. п.: „Никудышники“ и др. стихотв., „Къ вопросу о нашей школѣ“, **В. Пуришкевича**. „Новые люди“, романъ **Н. И. Мердеръ**. „Владиміръ Соловьевъ“ „Россія и всемірная церковь“, „Московская философско-математическая школа, основанная пр. Бугаевымъ Славянофильство Хомякова“, барона **М. Ф. Таубе**. „Слесарь Острозубцевъ“, „Семкины гусята“, разсказы **М. Левицкаго**. „О непротивленіи злу“, „Новѣйшая свобода“, **Д. Х.** „Современная моральная безпринципность въ приложеніи къ вопросу о характерѣ христіанской жизни“, **Архимандрита Ѳеодора**. „Современное положеніе университетовъ“, проф. **Т. Буткевича**. „Быль XIX-го столѣтія“ **Е. Задонской**. „Итоги работъ предсоборнаго присутствія“, „Безотвѣтная Дума и мнимый центръ“, **А. Кирѣева**. „Помраченный идеалъ“, **Ю. Бартенева**. „Поляки въ авангардѣ инородцевъ“, „Ѣшь меня собака“, „Финляндская сказка про бѣлаго бычка“, проф. **Н. Сергѣевскаго**. „О революціи“, **М. Бородкина**. „Русскій народъ, какъ этнографическое цѣлое“

См. 3 стр. обложки.